

Тётушка Ли, которая как раз убиралась на кухне, услышав это, поспешно вышла. В руках у неё был большой кусок свинины. Она уложила мясо, заботливо обернутое тканью, в бамбуковую корзину, которую держал Сюй Яньцин, и сказала:

— Молодой господин, они купили слишком много мяса, мы всё не съедим. Отнесите немного в дом старосты деревни.

На самом деле такими мелкими делами Сюй Сяньчжэ ещё до отъезда поручил заниматься тётке Ли. Его младшего брата с детства баловали родители, и тот не был силен в житейских церемониях, так что ему оставалось только просить Ли-гу помогать.

Сюй Яньцин без лишних вопросов бросил взгляд на мясо в корзине — свежее, что надо. Он хоть и был настоящей «солёной рыбой»*, но не дурак и прекрасно понимал, что в жизни всё строится на взаимности.

Он снова повернулся к даосскому наставнику Сюаньчэну:

— Наставник, не хотите ли пойти со мной за кукурузой?

Инь Яньцзюнь не стал отвечать на вопрос. Он просто поднял руку и взял из рук молодого господина корзину с мясом.

Сюй Яньцин слегка улыбнулся:

— Тогда пошли!

Они вдвоём зашагали по узкой каменной тропинке. Их дом находился на отшибе, в стороне от деревни. Земля там когда-то была пустырьём, но после того как Уань-хоу добился высокого положения, он выкупил этот участок и выстроил здесь родовое поместье.

По пути встречные тепло приветствовали Сюй Яньцина. Большинство, по правде говоря, молодого господина даже не знали, но в деревне редко появлялись чужаки, так что все сразу догадывались, кто он такой.

В окружении такой дружелюбной толпы дядюшек и тётушек Сюй Яньцин ощутил лёгкую социальную тревожность и даже хотел спрятаться. Однако игнорировать их он не мог, и потому изо всех сил натянул на лицо послушную, милую улыбку.

У молодого господина были тонкие черты лица, красивое личико и чистый, ясный взгляд. Дядюшки и тётушки из деревни Сюй искренне к нему прониклись, окружили разговорами, приглашали в гости, как только у него найдётся время.

— Да-да, обязательно, — без конца кивал он в ответ, мысленно клянясь, что в следующий раз на улицу он больше так просто не выйдет.

Рядом с ним стоял Инь Яньцзюнь — как всегда хладнокровный, сдержанный, словно вовсе не замечал внимательных взглядов окружающих. Это глубоко поразило «солёную рыбу», которая только что с головой ушла в образ страдающего социофобией. Да, недаром он был правителем Даляна — умел управлять и государственными делами, и деревенской жизнью.

Инь Яньцзюнь повернул голову к стоящему рядом юноше и сдержанно спросил:

— Молодой господин, на что вы так смотрите?

Сюй Яньцин перевёл взгляд на даосского наставника. Казалось бы, они пережили такую близость, а теперь держались друг с другом холодно и отчуждённо. Их отношения были по-настоящему странными.

Он заметил, что даос называл его исключительно официально, но не стал его поправлять — напротив, ему даже нравилось, как звучало это «молодой господин» в устах наставника Сюаньчэна.

Даос Сюаньчэн обладал холодной, отчуждённой, но в то же время достойной и изысканной аурой. Его охристое даосское одеяние было безупречно чистым и аккуратно сидело, что почему-то навело Сюй Яньцина на мысль о «воздержании».

Жаль только, что такого отрешённого небожителя он, Сюй Яньцин, умудрился совратить. Тьфу, настоящий злодей. Он моргнул и чуть сдержал улыбку:

— Просто восхищаюсь тем, как наставник в любой обстановке остаётся таким невозмутимым.

В глазах Инь Яньцзюня, прозрачных, как стекло, на миг промелькнуло сложное выражение. Он мягко сказал:

— Я не бессмертный — как же мне быть действительно невозмутимым?

Если бы он и вправду был спокоен и равнодушен, то не стал бы отдавать приказ теневым стражам в Цзянчэне...

— Маленький дядюшка, ты пришёл поиграть со мной? — Увидев Сюй Яньцина, пухленький ребёнок, игравший у ворот в волан, тут же бросил игрушку и с радостным визгом подбежал к нему.

Инь Яньцзюнь увидел, как молодой господин, который ещё недавно растерянно улыбался толпе тётушек, теперь совершенно безжалостно вытянул палец и остановил бегущего малыша:

— Я не за этим пришёл. Почему ты не играешь с другими детьми?

— А Цин пришёл! Заходи, заходи, присядь, — услышав шум у ворот, из двора вышла тётушка в фартуке. Она с улыбкой сказала Сюй Яньцину: — А Нин сегодня ещё уроки не доделал. Сам сказал: пока не закончит, играть с другими детьми не пойдёт.

— Ого, да пухляш-то у нас прилежный! — Сюй Яньцин не удержался от щелчка языком. В отличие от него самого, вечно лежащего как солёная рыба, лентящегося даже книжку раскрыть, мальчик оказался совсем не из его породы.

А Нин ничуть не обиделся на то, что Сюй Яньцин его только что оттолкнул. Напротив, его пухлые щёчки слегка порозовели от похвалы.

— Тётушка, я не зайду, — на нежном лице Сюй Яньцина заиграла улыбка. — У нас дома кукуруза закончилась, вот я и собираюсь потихоньку набрать немного с поля.

Под укоризненным взглядом госпожи Сун он протянул ей корзину с мясом и объяснил:

— Брат А Ню с остальными купили слишком много, мы всё не съедим. Тётя Ли велела мне немного принести вам, тётушка.

— Ух ты, у нас будет мясо на обед! — воскликнул пухлый ребёнок, уставившись на мясо широко

раскрытыми глазами. На самом деле семья деревенского старосты жила довольно неплохо, но даже при их достатке мясо на столе бывало не каждый день.

Госпожа Сун немного смутилась:

— А Цин, ну ты посмотри, что стоят эти несколько початков кукурузы... Совсем не стоило из-за этого приносить такой кусок мяса...

Сюй Яньцин ласково потрепал малыша по пушистой голове:

— Тётушка, ну что вы, не говорите так. Я ведь кукурузу всегда открыто собираю. Сегодня мы действительно купили слишком много мяса.

Чтобы не продолжать препираться с госпожой Сун, Сюй Яньцин поднял руку, схватил за рукав стоящего рядом даосского наставника и потряс корзиной в руке:

— Ладно, тётушка, вы идите по своим делам, а я пошёл за кукурузой! — С этими словами он потянул наставника Сюаньчэна за собой и быстро зашагал прочь.

После дождя воздух был особенно свеж. Дорожка между полями оказалась скользкой и неудобной для ходьбы, поэтому Инь Яньцзюнь, опасаясь, что молодой господин споткнётся о траву или камни, шёл рядом, одной рукой оберегая его талию.

Сюй Яньцин, по натуре ленивый и склонный к безделью, сегодня неожиданно сам вызвался выйти — это был, пожалуй, его самый деятельный день с тех пор, как он приехал в деревню Сюй.

Главным образом это было потому, что прошлой ночью, после того как даос покинул его, он спал на редкость хорошо. Настолько, что ему даже приснился чудесный сон — о детстве, о тех днях, когда он жил в своём родном деревенском доме.

В те времена их семья была бедна. Настолько, что маленькому Сюй Яньцину даже не хватало на детское питание — он ел только соевое молоко и всякие пюре. Но именно тогда он был по-настоящему счастлив.

Он обожал бегать с двоюродными братьями на реку ловить рыбу, лазать по деревьям за птенцами, тайком копать в поле батат и кукурузу, чтобы жарить и есть тут же, на месте.

Кукуруза из сна была такой ароматной, а та вольная, беззаботная жизнь — такой яркой и красивой, что, проснувшись, он до сих пор ощущал лёгкую тоску по ней.

А что касается того, почему он потащил с собой наставника Сюаньчэна — всё просто: ведь все доверяют ему. Раз он сам предложил, чтобы даос пошёл с ним, никто ведь и не возразил, верно? Сюй Яньцин мысленно показал себе большой палец. Всё-таки не зря он был первым на провинциальных экзаменах — от лени разум ещё совсем не притупился.

Добравшись до кукурузного поля, он сразу направился к тем кустам, которые посадили чуть позже остальных — у них как раз сейчас были самые сочные и нежные початки. Сюй Яньцин снял с одного из них верхние листья и сжал зёрна — молочная белая капля тут же выступила у него на ладони. Он кивнул, видимо, весьма доволен.

Повернув голову, он посмотрел на стоящего рядом даоса, глаза его засияли:

— Наставник, посмотрите — этот початок кукурузы разве не похож на маленького старичка с золотыми волосами?

Молодой господин и правда был ещё юн — мысли у него прыгали, как кузнечики. Самопровозглашённому «старшему» Инь Яньцзюню оставалось только слегка вздохнуть про себя. Но, поймав взгляд, полный ожидания, он сдержанно кивнул:

— Похож.

Сюй Яньцин остался доволен. Он взял у наставника корзину и, указав на тот самый початок, весело сказал:

— Вот этот я хочу! Наставник, сорвите мне его.

Инь Яньцзюнь никогда прежде не собирал кукурузу, но под внимательным взглядом молодого господина уверенно протянул руку. Потянул — и початок оказался у него в ладони. Однако, возможно, он приложил слишком много силы — вместе с кукурузой он отломил и верхнюю часть стебля.

Молодой господин, согнувшись пополам, рассмеялся в голос:

— Наставник, вы разве не слишком уж рьяны?

Инь Яньцзюнь нахмурился, уставившись на стебель в руке — тот стал для него как будто горячим углём: держать неудобно, бросить жалко.

Сюй Яньцин взял початок и положил в корзину, а обломанный стебель небрежно отбросил:

— Наставник, позвольте я научу. Кукурузу нельзя срывать просто вверх или вниз. Надо вот так — как будто скручиваешь верёвку.

Сказав это, живо настроенный молодой господин снова сунул корзину в руки даоса, выбрал себе початок, взял его обеими руками — и ловким поворотом сорвал.

Под взглядом наставника Сюаньчэна он лукаво подмигнул:

— Ну как, выучили?

Это и правда было делом несложным, так что Инь Яньцзюнь быстро освоился. Вскоре корзина наполнилась доверху.

Пока наставник Сюаньчэн трудился в поле, Сюй Яньцин присел на землю и с озорством заплетал кукурузные рыльца в косички.

Лёгкая бамбуковая корзина становилась всё тяжелее. Сюй Яньцин подошёл и попробовал её приподнять, но тут же корзину забрал у него наставник Сюаньчэн — одной рукой, легко и буднично.

— Наставник, я тут обнаружил одну крайне любопытную вещь, — Сюй Яньцин с любопытством посмотрел на руку Инь Яньцзюня. — Наставник ведь с виду хрупкий, как небожитель, а силы у вас — хоть отбавляй. Как так?

— С малых лет я изучал многое, — спокойно ответил Инь Яньцзюнь. — Помимо классики, истории, философии и сборников изречений, я также немного занимался верховой ездой и

охотой.

Он говорил без всякого хвастовства.

А Сюй Яньцин невольно вздохнул про себя. Действительно, дети императорской семьи, хотя и растут в тепле и заботе, с самого детства вынуждены нести на себе бремя ответственности и ожиданий.

Он опустил взгляд на «маленькую фасолинку» в своём животе. Как отец этой фасолинки, Сюй Яньцин мысленно зажёл свечку и помолился за него. А потом, вспомнив, каким упрямым и своевольным этот ребёнок был в оригинальном сюжете, тут же решил: ничего, побольше домашки ему зададим — не до флиртов с девчонками будет.

Вернувшись с поля, Сюй Яньцин с энтузиазмом очистил несколько початков кукурузы и потащил Му Ю в кухню, чтобы тот пожарил ему кукурузу.

Юный господин редко когда сам проявлял интерес к еде, так что Му Ю с готовностью согласился и тут же засуетился на кухне.

Спустя какое-то время Сюй Яньцин уже уютно развалился в шезлонге во дворе и с наслаждением поедал ароматную жареную кукурузу.

Большинство северян обычно едят кукурузу прямо с початка. Сюй Яньцин приподнялся, закатал рукава и принялся грызть. Съев один, он громко отрыгнул — сытость настигла его с головой.

Жареная кукуруза оказалась такой же вкусной, как во сне. Сюй Яньцин великодушно поделился остатками с остальными. Ци Чэнь грыз кукурузу с видом ненасытного хомяка.

Вэнь Цзин, напротив, держался сдержанно, неспешно откусывая. Он тоже в юности хлебнул лиха и теперь питал особую нежность к вкусу жареной кукурузы.

А вот хладнокровный и невозмутимый наставник Сюаньчэн сидел прямо, с выпрямленной спиной, и ел кукурузу по зёрнышку — выглядел при этом до невозможности благородно и приятно глазу.

Сюй Яньцин не удержался, чтобы не улыбнуться. Он с лёгкой грустью подумал: не только север и юг сильно отличаются в еде — разница между простыми людьми и членами императорской семьи и того больше.

Перед обедом Сюй Чуань принёс корзинку горячих пельменей:

— Тётя Ли, скорее, бери, отваривай! Сегодня вашему молодому господину будет побольше угощений!

Госпожа Сун с утра разделала всё мясо, которое принёс Сюй Яньцин, и налепила несколько паровых корзин с пельменями. Как только всё было готово, она велела сыну отнести немного обратно.

— Хорошо, спасибо тебе, брат Чуань, — сказала тётя Ли, принимая корзинку.

Сюй Чуань смущённо улыбнулся, сказал ещё пару слов и поспешно убежал.

Сюй Яньцин, переодевшийся и вернувшийся во двор, так и не успел его увидеть. На нём был

лёгкий жёлтый наряд, он снова развалился в шезлонге и наслаждался прохладным ветерком.

Инь Яньцзюнь, неспешно попивавший чай, вдруг отложил чашку, подошёл к юному господину, закатал широкий рукав и взглянул на его бледную, гладкую руку:

— Что это у тебя с рукой?

Сюй Яньцин, услышав вопрос, опустил взгляд. Его обычно белая и чистая кожа покрылась красными следами, похожими на царапины — словно он сам себя нечаянно расцарапал.

Он легко ткнул пальцем в одно из пятен — боли не было. Сюй Яньцин пожал плечами и с лёгкой улыбкой сказал:

— Наверное, за что-то зацепился в кукурузном поле! Не болит и не чешется, я и внимания не обратил.

Инь Яньцзюнь слегка нахмурился, молча ушёл в комнату, достал мазь и аккуратно обработал царапины. Затем вернулся к столу, сел, расправил спину и снова принялся за чтение. Прямая осанка, благородная фигура — вся его внешность словно излучала спокойную силу.

Сюй Яньцин опустил взгляд на свою руку, покрытую целебной мазью, и задумался.

В полдень тётя Ли приготовила «рис с восемью сокровищами» — туда она добавила кукурузные зёрна и разные крупы, а сверху уложила слой аппетитного, блестящего вяленого мяса.

С пельменями, которые принёс Сюй Чуань, трапеза получилась на славу — все ели с большим удовольствием.

После обеда, не имея никаких дел, Сюй Яньцин уже собирался идти в комнату поспать, но тут вдруг вбежал пухлый ребёнок с маленьким рюкзачком за спиной.

— Маленький дядюшка, маленький дядюшка! — подбежав к Сюй Яньцину, А Нин радостно заулыбался. — Я пришёл с тобой поиграть!

— Спать хочу. Не хочу играть, — Сюй Яньцин холодно отверг искреннее приглашение ребёнка. И вообще, разве все дети такие энергичные? Ни тебе вздремнуть, ни минутки покоя.

А Нин потянул его за рукав, жалобно протянув:

— Маленький дядюшка, ну поиграй со мной немного, совсем чуть-чуть...

Холодный и безжалостный Сюй Яньцин, устроившийся в шезлонге, нехотя приоткрыл глаза:

— Что хорошего ты притащил в своём рюкзачке?

А Нин похлопал по своей маленькой сумке:

— Это домашка. Я сначала с маленьким дядюшкой поиграю, а потом всё сделаю!

— Ай-ай-ай, плохой ты ребёнок, — лениво качнулся в шезлонге Сюй Яньцин. — Хорошие детки сначала делают всю домашку, а уж потом играют. А ты так — ленивый шалопай!

— Я не шалопай! — Маленький, ни с того ни с сего обвинённый в лени, мальчик тотчас подбежал к столу, водрузил на него свой рюкзак и с энтузиазмом посмотрел на Сюй Яньцина:

— Я сейчас буду делать уроки! А потом маленький дядюшка поиграет со мной?

— Мм... — Суй Яньцин поколебался, бросил взгляд на довольно пухлый рюкзачок на столе, лениво кивнул: — Ладно, если к тому времени проснусь — поиграю.

Ответ был не совсем таким, как А Нин хотел, но дома было скучно, так что, моргнув пару раз, он подумал-подумал и нехотя согласился.

В рюкзаке у него было немало всего: книжки, бумага, чернила... Пока он всё это раскладывал, Суй Яньцин уже мирно дремал в шезлонге.

А Нин был немного обеспокоен. Маленький дядюшка такой ленивый — вдруг не проснётся, когда он закончит?

Когда Инь Яньцзюнь вышел из комнаты, он увидел, как юный господин сладко спит в шезлонге под деревом, а пухлый ребёнок за столом старательно выводит иероглифы. Это был племянник Сюя, которого он видел утром.

Ребёнок выглядел очень смышлёным. Пухлое личико при выполнении каллиграфии было настолько серьёзным, что он казался маленьким старичком — по-детски наивным, но очаровательным.

Инь Яньцзюнь вернулся в дом, взял лёгкое одеяло и медленно подошёл к шезлонгу, аккуратно укрыв им молодого господина.

Хотя на дворе стояло начало лета, в затенённом месте, где дремал Суй Яньцин, от ветра становилось прохладно.

Как только одеяло накрыло его, Суй Яньцин сразу же потянулся, схватил край и плотнее укутался, свернувшись клубочком. Его личико тут же выразило абсолютную удовлетворённость.

Инь Яньцзюнь не удержался — наклонился и ущипнул мягкую щёку юного господина. Потом присел рядом и долго молча смотрел на него, прежде чем встать и вернуться к столу, где взял оставленную им ранее книгу.

А Нин, всё ещё выведивший иероглифы, с интересом посмотрел на стоящего рядом дядюшку. Хотя он и не был стеснительным, этот дядя казался строгим, как учитель из деревенской школы. Даже строже — в нём было что-то особенное. Мальчик был слишком мал, чтобы понять, что именно, но инстинкт подсказывал: с таким лучше не болтать по пустякам. Он тихонько продолжил писать.

Учитель в деревенской школе был учёным мужем, за сорок, с вечно строгим выражением лица. Все дети его побаивались — особенно за линейку в руке и его «дурную привычку» вызывать родителей.

Инь Яньцзюнь дочитал книгу, закрыл её и небрежно положил на стол. А Нин всё ещё усердно трудился, на лице его отражалась та же тревожная сосредоточенность, что и у молодого господина.

Инь Яньцзюнь встал, подошёл к мальчику и, посмотрев, как тот тщательно выводит каждый штрих, легко ткнул его пухлую ручку:

— Неправильно держишь кисть. Рука быстро устанет.

Последний раз он общался с ребёнком такого возраста в те годы, когда Инь Юаньчэн жил с ним в детстве. Столько лет прошло, а он нисколько не изменился — тон по-прежнему был серьёзный, отчего А Нин непроизвольно напрягся.

Однако этот дядя, несмотря на суровость, был очень терпелив. Он нисколько не злился. Вскоре А Нин исправил хватку, и в его круглых глазах мелькнуло удивление:

— Правда! Так рука совсем не устаёт!

Инь Яньцзюнь кивнул, после чего стал объяснять, как начинать штрих, как вести кисть. А Нин оказался смыслёным и прилежным учеником — схватывал всё на лету.

Прошло немного времени, и всё задание по каллиграфии было завершено. А Нин аккуратно сложил все вещи обратно в свой рюкзачок, затем с сияющими глазами посмотрел на Инь Яньцзюня и улыбнулся.

— Дядюшка, а вы учитель? — с любопытством спросил он.

Инь Яньцзюнь слабо улыбнулся и слегка покачал головой. Его холодная аура заметно смягчилась, и в обращении с ребёнком он проявлял завидное терпение:

— Нет, я не учитель. Я — даосский монах.

— Даосский монах?.. — А Нин замер, немного озадаченный. Он не знал, кто такие даосы, но дядя перед ним выглядел таким внушительным, таким умным, что он сразу решил — раз дядя даос, значит, даосы это что-то великое. Пухлый ребёнок глубоко вздохнул, как взрослый:

— Я тоже хочу стать великим даосом, как дядюшка.

— А Нин, боюсь, ты не выдержишь такого испытания, — внезапно подал голос Сюй Яньцин, который только что сонно приоткрыл глаза и уже успел подслушать их разговор. Он усмехнулся и нарочито пугающе сказал: — Знаешь ли ты, что даосы не едят мяса, не валяются в постели допоздна, и у них каждый день куча домашки?

— А?.. — Глазёнки А Нина широко распахнулись. Он с искренним сочувствием уставился на Инь Яньцзюня: — Быть даосом так грустно?.. Даже мясо нельзя?.. Дядя, ты ведь знаешь, как вкусно мясо! А Нин особенно любит мясо...

Сюй Яньцин расхохотался:

— Ну что, А Нин, всё ещё хочешь быть даосом?

— Нет-нет! — А Нин замахал руками. Мясо такое вкусное, он ни за что не откажется! Вот хотя бы сегодняшние бабушкины пельмени — там было столько мяса! Такие сочные, ароматные — он аж слюной изошёл, лежа у плиты.

Улыбка мелькнула в изящных бровях Инь Яньцзюня. Он посмотрел на всё ещё растянувшегося в шезлонге молодого господина и негромко сказал:

— Ты уже спишь полтора часа. Не ломит ли тебя? Встань, пройди немного.

Лежать так долго и вправду стало тяжело. Но он был таким мягким, таким сонным, что ни сил,

ни желания подниматься не оставалось вовсе.

В этот момент А Нин, закончивший уроки, вдруг вспомнил про своё соглашение с маленькой дядюшкой и стремглав подбежал:

— Маленький дядюшка, вставай скорей! Ты же обещал, что поиграешь со мной, как только я закончу!

Сюй Яньцин, всё ещё уютно устроившийся под одеялом в шезлонге, чувствовал, как тепло постепенно охватывает его тело, и в голове становится всё туманнее. Ему было так хорошо, что он готов был снова закрыть глаза и заснуть.

Увидев, что дядюшка вот-вот вырубится, А Нин стал настойчиво звать:

— Маленький дядюшка! Маленький дядюшка! Маленький дядюшка!..

Эти призывы звучали так, будто он вызывал душу из загробного мира. У Сюй Яньцина аж в ушах зазвенело. Он с трудом переборол желание снова провалиться в сон, поспешно распахнул глаза:

— Всё, всё, я проснулся... Ты прям как заклинатель душ — я уверен, тебе надо быть даосом. Причём таким, что ездит по деревням, обманывает народ и изгоняет призраков!

— Хе-хе! — А Нин и слушать не стал, что там дядюшка ворчит. Он тут же схватил его за руку и потащил играть в любимую игру — бросание камешков на тыльную сторону ладони.

Суть была простая: подбрасываешь несколько маленьких камушков и ловишь их тыльной стороной руки. Если хоть один упал — ты проиграл.

У Сюй Яньцина, как и у А Нина, руки были белыми и пухленькими, но вот сноровки у него было явно меньше. После трёх подряд проигрышей он с видом вселенской печали упёрся подбородком в ладонь и бросил в сторону даосского монаха умоляющий взгляд:

— Почтенный даос, спаси! Ещё немного — и моё лицо, как дяди, будет безвозвратно утеряно.

Хм! Этот соревновательный маленький дядя ни за что не хотел признавать поражения. Но зато без тени стыда звал подмогу.

— Маленький дядя, это жульничество! — А Нин надулся, посмотрел сначала на Инь Яньцзюня, потом на Сюй Яньцина и громко возмутился.

Сюй Яньцин пожал плечами:

— А ты тоже зови себе подмогу.

А Нин, у которого подмоги не было: горько плачет. Почему быть ребёнком так обидно!

1. Рис с восемью сокровищами - сытный рис, приготовленный с семенами лотоса, красными финиками, ячменным рисом, полосками зимней дыни в меду, медовой вишней, лонганом и дынными семечками.

<http://bllate.org/book/12638/1120939>